

(характерен здесь самый метод эксперимента при решении эстетического вопроса). Через несколько лет Тредиаковский вернулся к этому вопросу в предисловии к своим «Сочинениям и переводам»: он остался при прежнем мнении и доказывал его дополнительно примерами двух стихов — хореическим и ямбическим — на одну тему: «Я летом грому опасаюсь» и «Летний гром мне страх и трепет», причем второй, хореический, возвышеннее и сильнее, так как в нем тема изложена более энергично. Следует указать, что Сумароков впоследствии отказался в этом вопросе от ломоносовской точки зрения и пошел вслед за Тредиаковским; в 1760 г. он вступил с Ломоносовым в соревнование по переводу «высокой» оды Ж.-Б. Руссо «К счастью» и перевел ее хореем, тогда как Ломоносов — ямбом. Еще позднее, уже в начале XIX в., ученый исследователь Евгений Болховитинов именно выбору хорea приписал неудачу Сумарокова в соревновании 1760 г., унаследовав ломоносовский взгляд на тематическую и жанровую прикрепленность стиховых размеров. Между тем Тредиаковский считал не только метр нейтральной внешней формой стиха, уступающей значимости его содержания, но так же расценивал и звуковой состав поэтической речи, не придавая ему идейно-тематического значения. И в этом он отличался от взглядов Ломоносова, с которым был солидарен в этом пункте, хоть и не полностью, но всю жизнь, Сумароков.

Та же позиция Тредиаковского, а не только его тяготение к античной поэзии и к русскому фольклору, обусловила и его отношение к рифме, которую он к старости все более решительно отвергал, хотя и не считал возможным и нужным отказаться от нее совсем в своей поэтической практике. Для него рифма — это пустое украшение стиха, несущественное с точки зрения смыслового содержания его. В 1752 г. он писал (во второй редакции трактата о стихе): «Употребление рифмы вообще долженствует быть такое, чтобы всегда был предпочитаем ей разум: то есть, чтоб всегда при составе стиха больше стараться о чистом в нем смысле, нежели о богатой рифме; будет невозможно быть сим обоим совокупно, так чтоб для богатства рифмы твердого смысла нигде и никогда не пренебрегать». В статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» Тредиаковский писал об отсутствии рифмы в античном стихе: «Обидна б была сия шумиха древнему благородному сих народов драгоценному безрифмическому золоту в окончаниях стихов». В других местах он говорит о рифме, как «готическом» изобретении, пустой игрушке, называет ее «побрякивающей на концах варварской рифмой» и т. п.

Понятно, что Тредиаковский с раздражением напал на Сумарокова за его свойственное ему в молодости пристрастие к звучности стиха. Он обрушился, в частности, на ту строфу его оды, которой, по его словам, сам Сумароков «цены не ставит, кото-